

Мы не задворки Европы,

Лит. новости. - 1992 - Март (№2). - С. 2-3.

Никита Сергеевич Михалков - не просто один из лучших наших кинорежиссеров. Он собиратель русской культуры, наследник ее традиций, советник правительства России по культуре. Создал творческо-производственное объединение «ТРИТЭ» (три «Т»: товарищество, творчество, труд), которое не только снимает фильмы, но и издает произведения русских философов, а также открыло подписку на «Русский архив», продолжая дело Бартенева. Российское правительство предоставило Н.Михалкову четырехэтажный особняк в центре Москвы, в Малом Козихинском переулке - и уже два миллиона рублей он вложил в реставрацию этого исторического «дома Алябьева».

Я вошел в просторный кабинет Н.Михалкова, когда знаменитый кинорежиссер, баловень судьбы, вальяжный усач заканчивал телефонный разговор с Владимиром Максимовым по поводу спектакля «Кто боится Рэя Бредбери?» в театре им. Маяковского. (Автор пьесы В.Максимов, кстати, пригласил в театр, кроме Михалкова с женой, трех редакторов «Комсомолки» 60-90-х гг.: Аджубея, Панкина, Фронина.)

Включаю диктофон:

- ...почему была такая реакция зрительного зала? Сработало с одной стороны то, что это, в общем, правда, с другой - что пишет человек, имеющий на это право и к тому же не вернувшийся.

Если бы это написал человек, который раскаялся и вернулся для того, чтобы ему вернули квартиру и ордена, - другое дело. А тут человек уезжает обратно, и его совершенно искреннее прожитое - даже не позиция, а боль, удивительная штука, эффект поразительный!.. Мы после зашли с женой погреться в другой театр, в театр Пушкина. Володя, в театре сидело 36 человек, мною насчитанных. На сцене было приблизительно в 2 раза больше людей, которые играли для этих 36-ти.

Это в основном были такие гордые старушки, как твоя в пьесе. Гордые старушки, которые наперекор всему последние деньги тратят на билеты и идут питаться духовной пищей. Упадок чудовищный, играют ужасно. А вот здесь, в театре Маяковского - иное... Есть клише актерские, я их чувствую, особенно у женщин, но это другой разговор. И есть места такого класса... хорошего русского класса! Это пьеса, где есть что играть... В наших театрах органичное бормотание под нос принимается за правду. А мне милее кто-то из великих, Москвин или кто-то из них... Когда у него не было репетиций утром и спектакля вечером, был выходной, а душа горела, потому что его переполняли эмоции, - он выпивал «тонкий», шел в театр, брал у реквизиторов детский гробик, садился на извозчика и ездил по Москве. И все крестились, и он рыдал, обнимал этот гробик, заливался слезами, старухи его крестили, сами крестились, промакивали платочком глаза, а он - он эмоцию выталкивал, он иначе взорвался бы! Вот гениальный образ русского характера, русского артиста.

И в этой пьесе есть что играть. Замечательная роль двойная. Вообще придумано здорово. Поэтому я тебя поздравляю. Тут все сошлось. Пьеса очень временная - не временная, а временная.

Так что я очень рад. Я жалел, что тебя вчера не видел, но, может, оно и к лучшему, чтобы мы там впопыхах не болтали. Целую тебя, дорожку, давай на этой неделе повидимся...

- Никита Сергеевич, насколько я знаю, ваш фильм «Урга» (я его не видел) - это фильм о столкнове-

Беседа с Никитой Сергеевичем Михалковым

нии двух культур, России и Востока.

- Нет, это другое... Это поиск гармонии между человеком и миром, который его окружает. Как бы мы ни пытались походить на Запад, считать себя цивилизованными людьми в западном понимании этого слова, мы не являемся Западом и никогда им не будем. Порой проводится мысль о том, что в перспективе мы должны и обязаны жить, как в Голландии, Англии и т.д. В этом нет ничего предосудительного, если б не одно обстоятельство - мы никогда не будем жить, как в Голландии, Англии и т.д. Парадокс нашего существования в том, что мы будем жить как в России. Иллюзия европейской модели существования становится государственной доктриной, и я предвижу очередной грандиозный крах, когда российский организм переварит это очередное заблуждение.

Мы смотрим на витрины Голландии, Франции, заходим в подъезды и не чувствуем запаха мочи прогорклой. И спрашиваем себя: почему мы не такие? Почему у нас не так? Почему у нас пусто в витринах - и пахнет мочой в подъезде? Давайте жить так, чтобы не пахло мочой и было всего много!

Но мы не можем так жить. Я не говорю, что мы обязательно должны гадить в подъездах. Я просто говорю о том, что механическая попытка принять западный образ жизни обречена. Запад может существовать, беря за основу экономические взаимоотношения. Я тебе посылаю нитки, ты мне шпульки - и на этой основе мы можем сосуществовать. А в России это нереально - существовать только на экономической основе. То, что сегодня нас подталкивают еще к одной европоцентристской

схеме общечеловеческого счастья, некоей единой модели, - меня, во всяком случае, тревожит. Я мог бы вспомнить немало предостережений, произнесенных на сей счет, но из множества (досто-евский, Леонтьев, Данилевский, Самарин) сошлюсь хотя бы на Тютчева:

«Нам известно идолопоклонство людей Запада перед всем, что есть форма, формула и политический механизм. Идолопоклонство это сделалось как бы последней религией Запада».

Русские люди, люди российского мира - не европейцы, не азиаты. Россия - не национальное, а государственное образование. Она сложилась и стала «Востоком-Западом», Евразией, впитав в себя ценности культур населявших ее народов.

- Я слышал от Максимова, что вы увлечены идеями евразийства. Расшифруйте, что вы вкладываете в это понятие.

- Консолидацию всех желающих вокруг России. Россия всегда была Евразией. Я это чувствую на уровне подкормки даже, нерационально - Россию вытащить и объединить только экономическими взаимоотношениями нельзя. Ну нельзя! Должна быть идея. Вообще идея - давайте создадим демократическое государство! - это херня, глупость, общий разговор, болтовня. Должна быть идея. Какая это идея и кто мы такие? Мы империя? Нет. Мы социалистическое государство? Нет. Кто мы? Мы - Евразия. У нас был, есть и, думаю, будет свой путь - евразийский. И несмотря на то, что материализация теории евразийства, возникшей в недрах российского Зарубежья в 1920-х годах, не состоялась в силу различных причин (в том числе из-за откровенных и

грязных провокаций большевистских спецслужб), убежден, что сегодня, на родной земле, благотворные идеи евразийства способны воплотиться в реальность. Это идеи, вокруг которых все объединятся.

Дальнейшая демократизация, приватизация - это все разговоры! «Демократическое государство анархично», - писал еще в 1934 году Карсавин. - Совершенно не управляет страной «народ» (демос); почти не управляет парламент, немного управляет кабинет министров, а более всего - бюрократия, единственный постоянный элемент власти».

Знакомая картина, не правда ли?.. Потеря понятий греха и стыда отучила людей работать и делать что-то хорошо. Они делают плохо. Существует поговорочка: «Мы делаем вид, что работаем, а государство делает вид, что нам за эту работу платит». В этом делании вида прошло 75 лет, включая репрессию.

- Ну, а идея демократии, свободы - разве она не может быть объединяющей?

- Нет. Как может идея свободы быть объединяющей? Идея свободы - разъединяющая, тем более в России, где свобода понимается как вседозволенность. В России «свобода» - это когда все можно, а «несвобода» - когда чего-нибудь нельзя. В отличие от Запада, где свобода - это когда можно то, что можно, а нельзя - то, что нельзя. А несвобода для Запада - это когда сегодня нельзя то, что можно было вчера. России не свобода нужна, а отсутствие неволи. Как ни близки эти понятия, но оттенок противоположный. Все рассыпалось, а новой идеи нет.

- А разве в событиях Августа не было новой идеи? Молодежь у

Белого дома...

- Эта идея могла бы утвердиться, если бы не потеряли время на эйфорию, на «рок на баррикадах», освященный Патриархом, где пели матерные частушки:

Загорелся БТР
у села Кукуева.
Ну и пусть себе горит,
железяка...!

...но пелось - «железяка ржавая». Без мысли о том, что в бэтэ-эре горят мальчики - и не фашисты, не кто-то другой, а мальчики, наши мальчики... Какая бесчувственность! Если можно полуголой даме на ступеньках Белого дома в рок-концерте, на котором присутствовал Патриарх Московский и вся Русь, петь такую частушку, с такими словами! Не задуматься о том, что бэтээр горит, в котором не враги сидят, а мальчики, давшие присягу.

- Как раз это могло стать моментом национального примирения, а вместо этого...

- Это могло стать моментом национального примирения, если бы сразу же не начали разбираться, «что вы делали 19-го числа?». «Почему вы сюда пришли, когда вас тут не было 19-го, 20-го и 21-го?» Если б не стали делить пирог, пересаживаться из «Волг» в «Чайки», а из «Чайки» в «ЗИЛы», скорей расхватывая помещения, места, славу и т.д. Во всем этом самое страшное - отсутствие и исторической памяти, и надежды на историческое будущее. Глубокое будущее, я не имею в виду сидение в кабинете в течение как можно более долгого времени. И поэтому, на мой взгляд, время-то упущено. 23-го, 24-го, 25-го, 30 августа - это были дни, когда можно было провести любые решения, и народ бы их принял. Народ бы их в ту секунду принял,

МЫ - ворота в Азию

понял и помог бы, потому что это были бы решения, которые приняты в экстремальной ситуации. Вы можете себе представить Владимира Ильича Ленина, как бы к нему ни относиться, который...

- Удалился бы в отпуск!

- Да, вы можете себе представить? Вот на 5-й день революции он уехал в Крым отдохнуть... Это возможно?! Тут что-то не так, это продолжение того самого разложения, которое рождено большевизмом. Просто этот большевизм сменил цвет и направление, а методы остались те же: кто не с нами, тот против нас. Променили шило коммунизма на мыло плохо понятой демократии.

23-го я положил Силаеву мой рапорт об отставке.

- Почему?

- Я написал, что не хочу иметь дело с Грядущим Хамом. Я увидел, что Президент окружает хамы. Президента окружают люди, которые не умеют себя вести, которые, по словам великого русского философа Ивана Ильина, «фигурируют», - и фигурирование это для них есть смысл и цель жизни. Говорю о явлении, которое обозначено словами «Грядущий Хам» и у Мережковского, и у Достоевского. Это явление, а не исключение, правит им гордыня, жажда фигурирования.

- А людей, воплощающих это понятие, вы не хотите называть?

- Я называл их в интервью по телевидению. Я все назвал своими именами. Я вдруг увидел, что за всем этим стоит гордыня. Имя Ельцина используется в вольной интерпретации теми, кто стоит за ним. Я ни на один митинг не ходил - и это был единственный митинг, на который я пришел просто в силу того, что действительно был и внутри Белого дома 19-го числа, и снаружи. Говорил оттуда с людьми: по радио. Пришел туда не для того, чтобы навредить политический капитал или другой какой. Пришел потому, что 19 августа меня оскорбили, мне плюнули в лицо, кто-то пытался разговаривать со мной и с моей страной с позиции силы. Интеллигенция, которая в основном была на этих баррикадах, имела право, чтобы кто-нибудь от нее выступил на митинге победы. Я просил слова не только себе: там был Ростропович, который прилетел из Америки. И это слово нам не было дадено, хотя там выступал француз с переводчиком, еще кто-то... Шел отсев. «Наши» и «не наши», кому дать - кому не дать слово. Это оскорбило меня не как Никиту Михалкова, а как представителя той самой российской интеллигенции, без которой ни одно доброе дело существовать не может. Когда власть не опирается на интеллигенцию, она рано или поздно превращается в насилие.

- Как реагировали на ваше заявление об уходе?

- Просили бумагу забрать, «сейчас не время»... Нашу демократию люди поняли как возможность называть начальника дураком только потому, что он начальник. Не потому, что он еще и дурак. Не понимая, что если твой начальник дурак, то ты сам не умнее своего начальника. Я не верю в эту демократию, никогда в нее не верил, ибо в России демократию понимают тоже как вседозволенность, как «можно» все, как беспредел. «А почему ему можно, а мне нельзя?» Как в Англии - паровая машина, так в России всегда движущей силой была зависть. А зависть, помноженная на эту свободу, порождает такие уродства!

Люди перепутали понятия «равноправие» и «равенство». Равноправие - это равные для всех права, а равенство - это отсутствие прав. Равноправие достигается эволюцией, равенство - революцией. Равноправие - это когда у нас у

всех равные права, а уж дальше - как Бог дал, как ты учишься, как работал, как ты реализуешь то, что тебе Бог дал. А равенство - это когда: «А почему ему можно, а мне нельзя?» А вот потому, представь себе, что так Бог устроил: одним можно, а другим нельзя. Одни должны заниматься этим, а другие - тем.

Если у тебя нет слуха, ты не должен петь в Большом театре. И если у тебя есть умение резать по дереву, ты должен резать по дереву. Отсутствие своего места в жизни и уважения у этого месту породило чудовищное явление, умноженное как бы на «демократию»: совершеннейший разгул, неуправляемость! Страна неуправляема сейчас.

- То есть русский менталитет не дает возможности построить демократию в этой стране?

- Да, но почему нужно понимать демократию в этой стране зеркально тому, как ее понимают во Франции? Это другая страна! Мы говорим, что были отсталой страной по сравнению с Западом. А почему нужно сравнивать себя в Западом-то? Почему критерием, эталоном стал именно Запад? Почему не Китай, не Япония?

«В этой стране невозможна демократия». В этой стране голландская и английская демократии невозможны. Здесь может быть русская демократия. Какая - не знаю, могу догадываться только. Но ее нету.

Без центристскости, без соборности России не будет. А если не будет России - то это конец мира просто...

Моя задача как советника правительства России по культуре не в том, чтобы шептать на ухо советы или наветы. А в том, чтобы люди, с которыми общаюсь, получали бы от меня информацию о том, как все это решалось в России, когда она была единой и неделимой... У них нет этого знания. Они не знают Ильина, Бердяева, Струве, Леонтьева, Мережковского, Соловьева, Розанова. Нужно искать ответы на сегодняшние вопросы не в том, каковы ошибки Брежнева или Сталина, а в чем были победы Ивана Калиты, Дмитрия Донского, Михаила Федоровича Романова или Александра I. Искать у Столыпина...

- Что из тех идей кажется вам актуальным сегодня, годным для воплощения?

- Выступление Столыпина в качестве премьер-министра об аграрной реформе, о фермерстве - это то же, о чем говорится сейчас! Но 75 лет людей отучали работать. Страна богатая, открывали холодильник - и вынимали мясо, нефть, кормили этой нефтью полмира за бесценок, чтобы голодовали за коммунистические режимы, которые кровью, огнем и мечом уничтожали старые. Было много всего - и стало искать, и вдруг поняли, что это не бесконечно. Жили, ничего не приумножая, а только пользуясь богатствами. Целые поколения выросли людей, которым не стыдно сделать плохо. Посмотрите, как строятся дома, зайдите в больницы, на вокзалы, посмотрите, как работает умывальник, как делают батареи! Хорошо делают только тем, от кого зависит конкретная твоя жизнь. Вот был ЦК КПСС - ему делаю хорошо. А работать в РСУ - это значит: ни пайка, ни двух выходных...

- А в применении к культуре? Что утрачено?

- Утрачено все, чего там говорить... Утрачены понятия греха и стыда. Утрачена сама культура. Как учат детей, на чем их учат? Учат, что история начинается с 17-го года, что Лев Толстой - зеркало русской революции, что Герцен - демократ... Вы когда учились в школе?

- Я кончил в 49-м.

- Значит, в 39-м поступили. Вы что-нибудь знали про Мережковского, пока учились в школе? Если вы сами не читали...

- Читал.

- Вы что-нибудь знали про Ильина, про Бердяева, про сборник «Вехи», про Соловьева? Ничего не знали про тех, кто спорил с Лениным, кроме тех материалов, где Ленин их лихо разбивал. Почему я не люблю Ленина - должно быть понятно из того, что я люблю Обломова. Я склонен - и меня учила так мать, с молоком матери это воспринималось - больше говорить «да», чем «нет». Но у меня никогда не было никаких отечественных премий... Нет, были: диплом кинотеатра «Ударник» (показывает... - Э.И.) и премия за режиссуру на всесоюзном кинофестивале в Киеве. Ну, фильмом цену мы знаем все...

Я сказал Павленку, заместителю министра кинематографии: «Я объявляю вам войну». Сказал это в его кабинете, когда он был заместителем министра. После этого я довольно много съел говна. А на 5-м съезде кинематографистов Павленка стали поливать грязью и стонать с трибуны Ермаша, министра кинематографии, свистом и топотом.

Я из президиума, в котором сидел в первый и последний раз, видел, как люди топают ногами, прячась за спинами сидящих впереди. Я с ними не хочу иметь ничего общего. И я защищал этого Павленку на съезде. Да, конечно, учить надо демократии... Может быть демократия без уважения? В этом привкус, запах коммунальной кухни, который очень трудно вытравляется. У Пушкина есть гениальное четверостишие:

Беда стране, где рад и лстец

Одни приближены к престолу,

А небом избранный певец

Молчит, потупя очи долу.

- В России так было всегда. Хотя нет - ведь Жуковский воспитывал царских детей...

- Конечно. Но сегодня раб и лстец одни приближены к престолу.

А когда возникает механическая оппозиция, «духовная оппозиция» - абы говорить против - меня это не интересует. Меня интересует только то, о чем можно говорить «за». «Да», «давайте», «хорошо», а не «нет». И вот это унижение, которое я испытывал, ходя по инстанциям, хихикая и лебезя, бия четку в кабинетах, уговаривая, объясняя, пия водку с людьми, с которыми неинтересно это делать, - это все ради чего? Ради того, чтобы у себя на родине работать, ... твою мать! У себя! Чтобы жить и работать здесь, мне приходилось ухищряться, давать взятки. Вместо того, чтобы мне давали взятки и уговаривали, б... - есть работа! Вместо того, чтобы мне создать условия - только не уезжай!

Но в России важен процесс, а не результат. Самое большое несчастье наших руководителей, многих, в том числе Петра I, что они хотят видеть результаты своей деятельности при своей жизни. Они торопят процесс. Эволюцию разбивают и, гоня ее, превращают в революцию. Ленин желал видеть результаты жизни при жизни... Петр разделил навсегда интеллигенцию и народ. Одни учатся в Голландии, а другим не объяснил, зачем нужно кофе пить утром, а не водку, как пили при деках. Петр, введя табель о рангах, создал эту структуру, когда инспектор ГАИ отдаст честь черной машине вне зависимости от того, кто в ней едет. Это символ власти. Там могут везти помидоры, арбузы, пьяного ребенка, тетку - кого угодно! Но это образ власти...

Надо не пиздеть, простите меня,

на митингах, а заниматься делом. А мы делом не занимаемся, отучили. Посмотрите, сколько людей ходит по улицам в течение всего дня, каждый будний день! Улицы забиты людьми - до семи, до закрытия магазинов, дальше они пусты.

Никогда на Новом Арбате не было столько людей даже в выходные или праздники. Страна превратилась во всеобщую тусовку. Тусовка и болтовня, а не занимаются элементарным делом.

- Если бы соединить, как говорил Сталин, русский революционный размах с американской деловитостью, - может быть, что-то бы из этого и получилось.

- Да зачем с американской? Вот это поражает. Соедините размах с купеческой деловитостью, русских купцов дореволюционных. Что такое был русский купец! Русский фабрикант! Русский купец, которому было достаточно крестик поставить на притолоке у входа, чтобы знать, что тебе принесут долг тогда-то. Без писем - было слово!

Посмотрите, как развивались мануфактуры, вообще промышленности в стране, как она гигантски развивалась! Какие ткани делали, какие набивки, какие фантастические краски! Лен какой был, уж не говорю про остальное - про живопись, музыку. Вы Шмелева почитайте - «Лето господне», какой стол был в Великий пост, начиная с грибного рынка. И насколько это было доступно. Да... Я уж не говорю - икорочка, о которой сейчас смешон даже разговор. Ну да, какие-нибудь трюфеля не всем были доступны, чай цейлонский был дорог. Но на одном и том же рынке брали еду в пост и баре, и небаре. Я специально говорю именно о «поститься»...

- Никита Сергеевич, какие ваши прогнозы, что будет в итоге - ну, хотя бы ближайшие 2-3 года? Выберемся мы из этой дыры или нет?

- Я не знаю. Вряд ли. Мы возвращаемся к тому - на чем мы можем объединиться, господа? На том, что мы континент. Взаимоотношения между Ельциным и Назарбаевым, да и сам состав участников СНГ указывают на то, что Евразия как геополитическая, экономическая и культурная общность есть не только судьба России, но может и должна быть образующей линией всей союзной деятельности. Раньше всех это поняли писатели - и создали Содружество Союзов писателей. Это хорошо.

Из этого не следует, что нужно отворотиться от Европы и броситься в Азию. Вообще, не нужно вертеться! Следует просто и ясно вспомнить, кем мы были, понять, кто мы есть, и занять свое место.

Когда я прихожу в Париже или в Италию куда бы то ни было, я себя чувствую человеком, который давно знал отличие Европы от Евразии.

Поверьте, это не снобизм - «а, это мы видели, это мы знаем», «а у нас лучше»... Просто я вижу, что на Западе уровень мышления и ассоциативный уровень настолько поверхностны! Они берут Достоевского - и вынимают из него только Достоевщину. Они берут Чехова и пытаются его разгадать путем интервенции самовольной в его тексты. Чехов в исполнении французских или итальянских актеров, как правило, абсолютно лишен смысла, потому что они играют слова. А весь Чехов - он между словами. «Тарабумбия, сию на тумбе я» - это не слова, это состояние души!

- Давайте закончим тем, с чего начали - разговором о пьесе Максимова. Я так понял идею автора: и там, и здесь настоящему таланту пробиться одинаково трудно.

- Любый художник находится в

противоречии с самим собой, с окружающим миром, с завистниками. У меня было ощущение, что вижу пьесу, написанную советским драматургом много лет назад. Смелая пьеса, со словечками, с возвращением первоизданного смысла словами «ностальгия», «родина», «малая родина», «снежок на улице», «сверчок». Это мир теней, воспоминаний, запахов, ощущений, звуков, половиц, ветра.

Это живет в генетической памяти нашей. То, что старушка на сцене у Максимова говорила, я это ощущаю физиологически, это во мне.

Варенье, запах варенья... только у меня другой запах - кофе с молоком, не террасе, летом, и запах жареных тостов, который сопровождал все... Летние завтраки на террасе, когда все сходились пить чай, и мама в халате... Все это составляет мою историю, мою жизнь, жизнь моих родителей, моих предков, которые поколениями здесь жили - и здесь, и не здесь - 500 лет нашему роду Михалковых!

- Вы говорите, это особняк Алябьева? И он отремонтирован вашими друзьями-реставраторами? Интересно было бы знать, на чьи средства...

- Дом Алябьева мы восстанавливаем за свой счет, вложили в него почти 2 миллиона.

- Из средств «Мосфильма»?

- Какого «Мосфильма»? Это моя студия, «Мосфильм» никаких отношений не имеет к ней.

- Как называется студия?

- Называется «ТРИТЭ» - три «Т»: товарищество, творчество, труд.

Плюс издательство, которое, вот видите, издало такие книги... (демонстрирует книги Ивана Ильина - Э.И.). А самое главное - многотомное издание «Российский архив». Ни один документ до сих пор не был опубликован! Никаких изыятий - и никаких толкований. Первый том - 40 печатных листов, открыта подписка.

В огромном количестве голов и душ, изуродованных, как ржавчиной, завистью и неверием, не укладывается мысль, что кто-то может это делать бескорыстно. А есть нечто более важное, чем немедленно схватить - и разбжаться... Я отдал Фонду культуры 10 тысяч долларов моего гонорара за постановку «Механического пианино», спектакля в Риме. Первый вопрос был такой: «Сколько ж он заработал, если он может 10 тысяч выбросить?»

Существует гадкое, всепожирающее неверие ни во что. Безбожие, в общем-то.

Еще раз повторю: мы, россияне, в глубинной своей сути не славянофилы и народники (как принято думать) и не западники (как бы того хотелось многим). Мы евразийцы, то есть

- люди, для которых священно творческое значение самодержавной человеческой личности, в том числе и в области хозяйственной;

- люди, которым чужд экономический уравнилительный коллективизм;

- люди, которые помнят свою историю, любят свою землю;

- люди, для которых всегда служила опорой Русская Православная Церковь.

Мы не задворки Европы, мы - ворота в Азию.

... - Я должен сейчас отъехать к Кремлю! - последняя телефонная реплика, записанная на диктофон в кабинете Никиты Сергеевича Михалкова.

Полностью беседа Н.Михалкова и Э.Иодковского будет опубликована в журнале «Континент» N 70.